

М.Ю. МАРТЫНОВ, В.С. ПУРТОВА*

**ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОСНОВА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ
РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА)¹**

Аннотация. В статье предпринята попытка на примере такого многонационального субъекта Российской Федерации, имеющего повышенную миграционную привлекательность, как Ханты-Мансийский автономный округ, выявить корреляцию между состоянием межнационального согласия в регионе и концептуальными основаниями проводимой политики идентичности. Авторы исходят из того, что в этнополитической теории и реальной национальной политике сложились два подхода к трактовке политики идентичности. В первом случае она обозначает действия политических акторов, направленных на защиту особых групп, в том числе национальных меньшинств. Другой подход, основывающийся на концепте макрополитической идентичности, формируется в России с 2010-х годов и предполагает политику по формированию наднациональной макрополитической общности.

Использование того или иного подхода обусловлено как объективными обстоятельствами и политической ситуацией, так и результатами «борьбы за идентичность» между политическими акторами. В условиях усиливающейся социально-политической нестабильности стремление законсервировать пусть ранее и успешно функционировавшие институты может блокировать поиск инструментов

* **Мартынов Михаил Юрьевич**, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Сургутский государственный университет (Сургут, Россия), e-mail: martinov.mu@gmail.com; **Пуртова Виктория Сергеевна**, старший преподаватель кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет (Сургут, Россия), e-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru

¹Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания на научно-исследовательские работы от Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа.

достижения национальной консолидации. Поэтому столь важны сравнительные эмпирические исследования, посвященные динамике изучения ситуации в межнациональных отношениях в регионах.

Результаты такого исследования в Ханты-Мансийском автономном округе подтвердили гипотезу, что политика, основанная на национально-государственной (макрополитической) идентичности, реализация которой началась в регионе со второй половины 2010-х годов, в современной социально-политической ситуации оказалась более эффективной с точки зрения обеспечения межнационального согласия по сравнению с прежней политикой, основанной на концепте этнополитической толерантности.

Ключевые слова: политика идентичности; межнациональное согласие; политическая идентичность; межнациональные отношения; межэтническая конфликтность.

Для цитирования: Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Политика идентичности как основа межнационального согласия в полиэтничном регионе (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 178–199. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.09>

Сохранение межнационального согласия выступает императивом национальной политики любого многонационального государства, включая современную Россию. Но средства его достижения определяют варианты реального политического курса, которые концептуально основаны на различиях в понимании сущности политики идентичности. Смысл данной дискуссии известен российский этнополитолог Л.М. Дробижева сформулировала следующим образом: является ли Российская Федерация многонациональным государством или она национальное государство (российская нация) с этническими меньшинствами? [Дробижева, 2018]. Концептуально сформулированный вопрос о теоретических основаниях политики идентичности по сохранению межнационального согласия требует как концептуального обсуждения, так и эмпирической апробации.

Дискуссия о концептуальных основаниях политики идентичности в формировании межнационального согласия

Использование в данном контексте термина «согласие», очевидно, восходит к понятию социальной солидарности Э. Дюркгейма, выступающему, как считают современные исследователи, в качестве

полного синонима «согласия» [Гофман, 2015, с. 32]. Необходимость преодоления последствий разделения труда неизбежно создает общность в виде нации, в солидарные связи которой человек попадает естественным образом по факту своего рождения, и это согласие «...вынужденно, так как в огромном большинстве случаев нам материально и нравственно невозможно отделаться от нашей национальности» [Дюркгейм, 1995, с. 121].

Но если французский социолог исходил из достаточности для достижения национальной солидарности существования объективных предпосылок, то последующее развитие науки показало, что на самом деле ее формирование отнюдь не носит столь уж автоматический характер. Оно предполагает активную социальную деятельность людей, представляющую, согласно современной конструктивистской фразеологии, «искусственное конструирование, целенаправленное изобретение и социальную инженерию» [Хобсбаум, 2017, с. 20]. Соответственно, нация представляет собой «воображаемое сообщество» [Anderson, 1991], ценностные смыслы которого конструируют политические акторы, формируя тем самым «политику идентичности» [Семененко, 2011, с. 71; Caputi, 1996]. Политика идентичности рассматривается таким образом «как целенаправленная деятельность, акторами которой выступают государство, властная элита, а также другие субъекты – публичные интеллектуалы, гражданские активисты, политические партии и др.» [Фадеева, 2017, с. 73–74].

Но там, где сознательно действуют акторы, с неизбежным столкновением их интересов, и политические процессы, и придаваемые им смыслы носят вариативный характер. Не случайно столь органично в научный лексикон вошел предложенный пермскими учеными термин «борьба за идентичность».

Причем эта борьба характерна не только для России, но, например, и для стран Восточной Европы, в связи с непростыми процессами поиска новой идентичности [Kymlicka, Opalski, 2002; Hayes, McAllister, 2013; Zhurzhenko, 2014; Steiger, 2017]. Сохраняет она актуальность и для «устоявшихся демократий», столкнувшихся в XXI в. либо с новыми вызовами миграционных процессов, либо с перерождением старых проблем национальной идентичности, облаченных в новые политические одежды [Keating, 2004; Leith, Soule, 2011; Sollors, 2017; Pelletier, Couture, 2018]. Конечно, главным полем этой борьбы является реальная политика, но ее от-

правной точкой выступают теоретические дискуссии и конфликты концепций.

В изначальном смысле понятие «политика идентичности» использовалось для обозначения действий политических акторов, направленных на защиту особых групп, и, в том числе, национальных меньшинств [Aronwitz, 1992; Kenny, 2004; D’Cruz, 2008; Spinner-Halev, Theiss-Morse, 2003; Masella, 2013]. Это, ставшее классическим, представление о политике идентичности явилось частью реальной политики мультикультурализма [Kymlicka, 2010; Murphy, 2012]. Необходимым смысловым дополнением данного концепта становится требование соблюдения толерантности, разрешающее проблему сосуществования различных этносов в рамках макрообщности.

Возникающее на основе этой концепции (назовем ее «политика этнополитической идентичности») межнациональное согласие следует описать как формируемое на принципах толерантности состояние межнациональных отношений, образующих гражданскую нацию в виде совокупности составляющих ее этносов (перефразируя известное определение Э. Дюркгейма – в виде «механической» солидарности этих этносов).

В 1990–2000-е годы данный концепт этнополитической идентичности превалировал и в российской реальной политике, и в отечественной политической науке. Он нашел отражение в формуле «многонациональный народ Российской Федерации» в Конституции Российской Федерации 1993 г. Окончательно же идеи этнополитической идентичности оформились в «Концепции национальной политики Российской Федерации», подписанной Б.Н. Ельциным в 1996 г. Поскольку смысловую основу данного документа составила именно этнополитическая идентичность, то он изобилует отсылками к «национальной самобытности», «национальному самоопределению» и деятельности национально-культурных автономий¹.

Свою лепту в обоснование политики этнополитической идентичности и толерантности внесли и представители политической науки, настаивавшие, что общество постсоветской России

¹Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571> (дата посещения: 29.03.2020).

еще не «созрело» до состояния политической нации [Паин, 2008; Ясин, 2007].

Этот подход доминировал в течение последующих полутора десятилетий. Как пишет О.Ю. Малинова, «анализируя дискурс лояльной власти части политического класса в 2000-х годах, нетрудно обнаружить, что проект гражданской российской нации отнюдь не рассматривается ею в качестве однозначной и несомненной цели» [Малинова, 2010, с. 97].

Выступавший против такой трактовки известный российский ученый В.А. Тишков, всегда отстаивавший точку зрения о российском народе как реально существующей гражданской нации, объяснял позицию отрицавших это оппонентов их политическим и научным консерватизмом. «Именно это отрицание, а не недостаток схожести и солидарности россиян и есть основное препятствие для признания существования российской нации. Переубеждение таких отрицателей, собственно говоря, и есть процесс “нациестроительства” или “формирования нации”», – отмечал В.А. Тишков [Тишков, 2007, с. 28].

Впрочем, дело, вероятно, было не только в консерватизме. В значительной мере политика этнополитической идентичности явилась наследием процессов первой половины 1990-х годов, в ходе которых политический успех Б. Ельцина был обеспечен поддержкой со стороны региональных элит в обмен на обещание им максимальной самостоятельности и свободы. Политика этнополитической идентичности стала основой обеспечения политических и экономических предпочтений этих элит.

Собственно, таковой она остается и сегодня. Как рассказывает Л.М. Дробижева, когда Научный совет по комплексным проблемам этничности и межнациональным отношениям при Президиуме РАН, представляя в 2016–2017 гг. проект Стратегии государственной национальной политики, предложил трактовку российской нации как политической общности, это встретило активные возражения со стороны консервативно настроенных политиков, заблокировавших в конечном счете данное предложение. Причем в качестве аргумента вновь утверждалось, что к консолидации на политических принципах российское общество еще не готово, «и поэтому ожидать лояльности и патриотизма на основе Конституции, правовых норм, отношения граждан к судам, как это предполагает гражданская нация, нереально» [Дробижева, 2018, с. 103].

Другая трактовка политики идентичности сформировалась в 2010-х годах. Ее концептуальным основанием стало понятие макрополитической идентичности [Малинова, 2010].

Отличие этнополитической идентичности от макрополитической выделось в том, что «если первая основывается на широком круге этнических, культурных, исторических, этических и иных “схождений” и тождеств, то вторая по своей сути имеет одно главное измерение, а именно – политическое... Ее главное “назначение” – идейно-политическое сплочение всего совокупного социума, которое именуется страной или государством» [Перегудов, 2011, с. 142].

Таким образом, вместо идеи национального государства как суммы проживающих в нем народов была предложена концепция формирования наднациональной макрополитической общности, где *национально-государственная идентичность*, понимаемая как *устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью, поддерживается посредством института государства и политико-культурной традицией государственности* [Титов, 2017, с. 20].

Соответственно, под политикой идентичности в этом случае «понимается деятельность по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [Семененко, 2017, с. 23].

Следует отметить, что подобный «макрополитический» подход к обоснованию концепта идентичности разделяют и ряд зарубежных авторов [Smith, 1992; Hayday, 2010; Manicom, 2013; Podoler, 2016].

Сигналом смены вектора в реальной политике идентичности стало принятие в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»¹, где была озвучена, хотя и весьма лаконично, идея первенства общенациональной общности.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1> (дата посещения: 29.03.2020).

Предпосылки смены парадигмы политики идентичности

На наш взгляд, некорректно было бы противопоставлять политики макрополитической идентичности и этнополитической идентичности на нормативных основаниях (как «правильную» против «неправильной»). Все зависит от конкретной ситуации. «Мультикультурализм» и идеи этнополитической идентичности, развиваемые, например, У. Кимликой, на основе теории Д. Роулза об условиях достижения общественной справедливости, были совершенно адекватны относительно стабильной ситуации конца XX в. Однако общий кризис социально-политической системы капитализма, несколько отсроченный использованием ресурсов распавшегося социалистического лагеря, дал о себе знать с 2000-х годов.

Сокращение материальных ресурсов в силу усиливающейся неэффективности производства и появление прекариата или «опасного класса» (Д. Стендинг) – групп людей, лишенных социальной перспективы, – не могли не вызвать кризис политических институтов. Более того, институт, ранее способствовавший сохранению стабильности, в условиях кризиса не только не работает, но может быть использован как инструмент дестабилизации. Это, в частности, произошло с политикой «мультикультурализма». Недавние социальные волнения в США быстро обретали форму этнических и расовых протестов, успешно «примеряя» наработанные прежней политикой концепты «ущемленных меньшинств».

В условиях социально-политической нестабильности стремление сохранить, пусть ранее и успешно функционировавшие, институты может лишь усугублять ситуацию.

В России ограниченность политики этнополитической идентичности проявилась уже в конце 1990-х годов, когда стало ясно, что региональные элиты, столь рьяно стремившиеся к самостоятельности, не только не могут противостоять «олигархизации» экономики, но нередко сами становятся ее участниками. Сознательно политизируемая этнополитическая идентичность превращается при этом лишь в прикрытие от контроля «сверху».

Новый порядок формирования Совета Федерации и появление федеральных округов стали первыми шагами к пересмотру прежней политики, основанной на концепте этнополитической идентичности. Но решающим фактором стало изменение настроений самой региональной элиты. Она столкнулась с многочислен-

ными спекуляциями на тему межнациональной конфликтности на местах. Показательными с этой точки зрения выглядят в большинстве регионов результаты деятельности национально-религиозных объединений. Задумывавшиеся как инструменты формирования толерантности и работы с мигрантами, они в большинстве случаев превращались в средство добывания преференций для руководства этих объединений. Политика этнополитической идентичности зачастую оказывалась не столько средством консолидации местных сообществ, сколько поводом их разобщения. Поэтому концепт макрополитической идентичности в качестве инструмента символической политики в сфере межнациональных отношений был воспринят региональным руководством весьма позитивно.

Однако и сегодня другая часть региональной элиты, представляющая этнические группы в регионах, по-прежнему делает совершенно недвусмысленный акцент в своей риторике на сохранение национального многообразия, а национальное согласие в полиэтничном государстве рассматривается как суммирование национальных идентичностей¹.

Свое слово в этой «борьбе за идентичность» могли бы сказать сравнительные эмпирические исследования, посвященные динамике изучения ситуации в межнациональных отношениях в регионах. И подобные исследования сегодня достаточно успешно ведутся [Дробижева, Кошарная, 2016; Дробижева, 2018; Дмитриев, Воронов, Михайлова, 2017]. Однако они носят главным образом кросс-региональный характер. Между тем в исследовании взаимосвязи между состоянием межнационального согласия и политикой идентичности особенно важны кросс-темпоральные сравнения. Ведь формирование двух подходов к концептуальным основаниям политики идентичности, с некоторой долей условности, предстает хронологически последовательно. Результаты такого исследования на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры представлены ниже.

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – 2019. – 29 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата посещения: 29.03.2020).

Предмет и методы исследования

Югра относится к регионам – донорам России, формируя около 7,5% промышленного производства и 15,1% доходов государственного бюджета. Сохранение на территории Югры социальной и политической стабильности, в том числе межнационального мира и согласия, – задача стратегического характера. Между тем относительно высокий уровень жизни и заработной платы создает повышенную миграционную привлекательность региона. Миграционные процессы существенно изменяют этнонациональный состав населения. За последние десять лет в три раза увеличилось представительство народов Кавказа и в десять раз Средней Азии. Большинство, более 70% жителей ХМАО – Югры, имеют другое место рождения. Каждый шестой работник из числа занятых в экономике ХМАО не является его постоянным жителем. Настороженное отношение к людям другой национальности, подогреваемое притоком мигрантов из стран ближнего зарубежья, которых местное сообщество не успевает социально и культурно ассимилировать в свою среду, может являться благоприятным фоном для появления экстремизма и национализма.

Предметом исследования явилась корреляция между состоянием межнационального согласия в Югре и концептуальными основаниями проводимой политики идентичности. Согласно гипотезе, политика, основанная на национально-государственной (макрополитической) идентичности, реализация которой началась в регионе со второй половины 2010-х годов, оказалась более эффективной с точки зрения обеспечения межнационального согласия по сравнению с прежней политикой, основанной на концепте этнополитической толерантности.

В Ханты-Мансийском автономном округе начало изменений в данной политике можно датировать принятием в 2016 г. «Стратегии реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период до 2025 года», в основу которой была положена идея достижения межнационального согласия на основе формирования политической (гражданской) идентичности¹. Хронологиче-

¹ О Стратегии реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период

ская граница 2016 г. между двумя подходами к концептуальным основам политики идентичности позволяет включить время в качестве переменной сравнительного анализа. Соответственно, темпоральными единицами, позволяющими проследить динамику изменения состояния межнационального согласия, выступают хронологически равные трехгодичные периоды 2014–2016 и 2017–2019 гг.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологических опросов, проведенных под руководством авторов в 2018–2019 гг., вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных в 2014–2015 гг. в регионе, а также данные официальной статистики.

Основным понятием и зависимой переменной исследования выступало понятие «межнациональное согласие». Опираясь на концепт национальной солидарности Э. Дюркгейма, конструктивистские идеи и содержание программных документов, формулирующих цели национальной политики, авторы предлагают определение межнационального согласия как внутренне непротиворечивого состояния межнациональных отношений, возникающего в результате осуществления политики идентичности по интеграции национальных и этнических групп на основе их объективных интересов и макрополитической (национально-государственной) идентичности в гражданскую общность.

Соблюдение корректности сравнения этого состояния на двух хронологически различных этапах достигалось использованием единой методики исследования: использовался метод кластерного анализа данных, полученных в результате социологического опроса в муниципальных образованиях автономного округа. Группировка осуществлялась на основе совокупности показателей, выступающих предпосылками межнационального согласия в регионе. Эти показатели-индикаторы характеризовали три фактора, определяющих в качестве независимых переменных состояние межнационального согласия.

Во-первых, это общий социально-экономический фон, общая оценка ситуации, как благоприятной или неблагоприятной для межнационального согласия. Индикаторами в данном случае выступали оценки общего социально-экономического положения, уровня социальной напряженности, личного социально-экономического самочувствия. Во-вторых, это субъективная оценка (ощущение) гражданами характера актуальных межнациональных отношений. Индикаторами здесь являлись: оценка уровня межнациональной конфликтности; случаи дискриминации по национальному признаку; случаи «бытового» национализма. В-третьих, оценка усилий политических институтов, направленных на гармонизацию этих отношений (формирование политики идентичности). В качестве индикаторов в данном случае использовались: мнение о рисках возникновения конфликтов на национальной почве, оценки усилий власти по гармонизации межнациональных отношений и профилактике конфликтности, успешность формирования региональной идентичности и регионального патриотизма институтами гражданского общества.

Кластерный анализ ситуации по муниципальным образованиям заключался в оценке ситуации в районах и городских поселениях по этим трем уровням по шкале «межнационального согласия – конфликтности». Группировка осуществлялась на основе совокупности показателей, представляющих описанные выше независимые переменные. Значение индикатора по показателю «высокая – средняя – низкая доля» определялось путем сравнения по муниципальным образованиям. Попадание конкретной территории в ту или иную группу рассчитывалось количеством вышеперечисленных показателей, значения которых для данной территории соответствовали уровню межнационального согласия.

Результаты исследования

В основу оценки состояния межнационального согласия в регионе на этапе до 2016 г. были положены результаты вторичного анализа данных, полученных в ходе опроса 2014 г., проведенного учреждением Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр “Открытый регион”». В выборку осуществленного нами вторичного анализа попали восемь муниципальных образований (N=600).

Как выяснилось, менее половины опрошенных считали ситуацию в межнациональных отношениях мирной, спокойной. При этом почти половина респондентов в качестве причин существующей напряженности указала «массовый приток мигрантов», отметив также «вызывающее поведение представителей некоторых религий, игнорирование ими местных традиций, норм поведения и религиозных обычаев». Опрошенные респонденты из числа самих «мигрантов», в свою очередь, указывали на факты случающейся дискриминации в быту, при приеме на работу, в учреждениях бытового обслуживания и т.д. Не случайно значительная часть респондентов оценила риски возникновения конфликтов на национальной почве достаточно высоко, о чем заявил почти каждый четвертый опрошенный.

По результатам кластерного анализа составлена карта кластеров, или карта межэтнического согласия (табл. 1).

Таблица 1

Карта межэтнического согласия в Югре, 2014 г.*

	Лангас	Нижневартовск	Федоровское	Лянтор, Сургутский р-н	Сургут	Ханты-Мансийск	Березовский р-н
Высокий уровень социальной напряженности					27%		
Низкий уровень социально-экономического самочувствия	21%	15%			11%		12%
Плохое общее социально-экономическое положение			15%		12%		
Высокий уровень межнациональной напряженности	32%	34%	38%				
Высокий уровень дискриминации по национальному признаку	18%				20%		
Высокий уровень «бытового» национализма		20%	22%	32%			
Высокая вероятность возникновения массовых конфликтов на национальной почве	13%	12%	9%			10%	
Низкий уровень гражданской идентичности (идентификация в первую очередь как представителя этноса, и во вторую – как «россиянина»)	36%				39%		
Неэффективные действия власти по формированию межнационального согласия		32%		36%		31%	
Количество признаков национального согласия в баллах	4	4	5	7	4	7	8
Кластер национального согласия	1	1	1	2	1	2	3

* Высокая интенсивность штриховки ячейки означает высокую степень выраженности признака, средняя интенсивность штриховки – среднюю, отсутствие штриховки озна-

чает низкую степень выраженности признака. Значения низкого уровня межнационального согласия для иллюстративности сопровождаются цифрами, обозначающими долю респондентов, утвердительно ответивших на вопрос о высоком уровне указанного признака.

В целом результаты исследования свидетельствовали о недостаточно благополучной ситуации в отношении межнационального согласия. В 2015 и в 2016 гг. ситуация существенно не менялась, о чем свидетельствовали данные официальной государственной статистики¹.

Перемены начались со второй половины 2000-х годов. Об этом говорят, в частности, результаты сравнительного исследования, проведенного в 2018 г., в том числе в Ханты-Мансийском автономном округе под эгидой Института социологии РАН. Если в целом по стране положительно оценивали состояние межнациональных отношений 78,9% респондентов, то в Югре их доля составила 86,7% (в 2017 г. показатель составлял 66,4%). Следующий этап мониторинга подтвердил положительную динамику².

Но важно было отметить не только это кардинальное улучшение ситуации, но и доказать его взаимосвязь с политикой идентичности, осуществляемой в автономном округе в последние годы. Это стало целью проведенного нами социологического опроса в сентябре-октябре 2019 г. в Ханты-Мансийском автономном округе. Он проводился по той же методике, что и исследование 2014 г., и проходил в виде формализованного интервью по стратифицированной, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу и возрасту (N=600).

¹ Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений // ЕМИСС. Государственная статистика. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/50996> (дата посещения: 29.03.2020).

² Доклад на совместном заседании Координационного совета по делам национально-культурных автономий и взаимодействию с религиозными объединениями при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по противодействию экстремистской деятельности / Департамент внутренней политики ХМАО – Югры. – Режим доступа: <https://deppolitiki.admhmao.ru/upload/iblock/e4c/Doklad-Drobizhevoy-L.M.-prilozhenie-7.docx> (дата посещения: 29.03.2020).

Таблица 2

Карта межэтнического согласия в Югре, 2019 г.*

	Лангас	Нижневартовск	Федоровское	Лянтор, Сургутский р-н	Сургут	Ханты-Мансийск	Березовский р-н
Высокий уровень социальной напряженности				36%	27%		
Низкий уровень социально-экономического самочувствия	21%				11%	16%	12%
Плохое общее социально-экономическое положение			12%		11%		
Высокий уровень межнациональной напряженности	37%	33%	36%				
Уровень дискриминации по национальному признаку	18%				20%		
Уровень «бытового» национализма			18%	32%			
Вероятность возникновения массовых конфликтов на национальной почве			9%				
Низкий уровень гражданской идентичности (идентификация в первую очередь как представителя этноса, и во вторую – как «россиянина»)	35%				36%		
Эффективность действий власти по формированию межнационального согласия		32%					
Количество признаков рисков национального согласия в баллах	5	7	5	7	4	8	8
Кластер национального согласия	1	2	1	2	1	3	3

* Высокая интенсивность штриховки ячейки означает высокую степень выраженности признака, средняя интенсивность штриховки – среднюю, отсутствие штриховки означает низкую степень выраженности признака. Значения низкого уровня межнационального согласия для иллюстративности сопровождаются цифрами, обозначающими долю респондентов, утвердительно ответивших на вопрос о высоком уровне указанного признака.

Как видно по результатам опроса, по сравнению с 2014 г. (табл. 1) произошло улучшение состояния межнационального согласия в целом. Более того, один из муниципалитетов (г. Ханты-Мансийск) за счет этого переместился в третий кластер – с высоким уровнем межнационального согласия, а другой (г. Нижневартовск) – из кластера с низким уровнем – в кластер со средним уровнем.

Но главное, результаты опроса позволяют установить зависимость между оценкой респондентами состояния межнациональных отношений и деятельностью политических акторов в сфере политики идентичности. Заметны улучшения ситуации в оценках

межнациональных отношений, снижении «бытового» национализма, возможностей предотвращения конфликтов на почве межнациональной конфликтности. При этом индикаторы социально-экономического положения не изменились, а в ряде случаев даже несколько ухудшились. Зато видна прямая зависимость улучшения ситуации в отношениях межнационального согласия с повышением доли гражданской идентичности и позитивной оценкой усилий институтов власти и гражданского общества по формированию этого согласия.

О том, что существенное изменение ситуации произошло в результате смены парадигмы политики идентичности с этнополитической на макрополитическую, свидетельствуют и результаты контент-анализа таких документов, как «Стратегия реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период до 2025 года», регионального стандарта этой политики и модельной муниципальной программы. Концептуально все эти документы основываются на политике макрополитической идентичности. В ходе углубленного интервьюирования эксперты также отмечали, в первую очередь, превалирование в символической политике идентичности роли общегражданских ценностей. Они действительно широко использовались, например, в ходе празднования в 2018 г. 900-летия первого упоминания Югры в русских исторических летописях¹.

В целом сравнение результатов двух проведенных в Югре опросов, разделенных шестилетним временным интервалом с условным темпоральным «экватором» 2016 г., позволяет сделать вывод об успешности политики идентичности, основывающейся на концепте макрополитической идентичности в сфере формирования межнационального согласия.

¹ Конкурсные мероприятия «Югре – 900» / Портал открытого Правительства Югры «Открытый регион – Югра». – Режим доступа: <https://myopenugra.ru/yugre-900/> (дата посещения: 29.03.2020).

Выводы

Политика в сфере межнациональных отношений неизбежно связана с борьбой за идентичность. И как любая деятельность символического характера, чтобы быть успешной, она должна иметь концептуальную основу, обеспечивающую когерентность ее дискурса. Причем релятивный характер современного мира предполагает и достаточную изменчивость этой концептуальной основы. Так, на первом этапе – в 1990–2000-е годы – в российском политическом поле доминировал концепт политики этнополитической идентичности. Он опирался на представления, сформулированные в зарубежной политической науке, где этим понятием обозначали действия политических акторов, направленные на защиту особых групп, и в том числе национальных меньшинств. Такая трактовка как нельзя лучше отвечала интересам ряда региональных элит того времени, рассчитывавших под флагом защиты интересов так называемых «титовых наций» на получение преференций по итогам политических процессов первой половины 1990-х годов.

Однако столкновение со сложными проблемами в сфере межнациональных отношений заставило руководство большинства субъектов Федерации примерно с 2010-х годов начать поиски концептуальных оснований эффективной символической политики в сфере формирования межнационального согласия. Таким основанием стала парадигма макрополитической (национально-государственной) идентичности, предложенная отечественной политической наукой. Помочь становлению этой парадигмы как основы национальной политики могут эмпирические исследования, демонстрирующие большую эффективность новой модели политики идентичности по сравнению с предыдущей. Результаты подобного исследования, проведенного в Ханты-Мансийском автономном округе, представлены в данной статье. Исследования в других регионах, в том числе по предложенной методике кластерного анализа ситуации в сфере межнациональных отношений и их взаимосвязи с гражданской идентичностью, будут служить обоснованием политики макрополитической идентичности как эффективного инструмента нациестроительства.

Список литературы

- Гофман А.Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 29–36.
- Дмитриев А.В., Воронов В.В., Михайлова Е.А. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 6. – С. 97–124. – DOI: <http://www.doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.06>
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 100–115. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps.2018.05.09>
- Дробижева Л.М., Кошарная Г.Б. Актуальная идентичность и межэтнические отношения в Поволжском регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 106–112. – DOI: <http://www.doi.org/10.21685/2072-3016-2016-4-12>
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Паин Э.А. Исторический «бег по кругу» (Попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России) // Общественные науки и современность. – 2008. – № 4. – С. 5–20.
- Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 141–163.
- Семененко И.С. Политика идентичности: Меняющаяся повестка дня // Символическая политика: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – С. 21–41.
- Семененко И.С. Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. – С. 71–76.
- Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. – М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
- Тишков В.А. Что есть Россия и Российский народ? // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11, № 3. – С. 21–41.
- Фадеева Л.А. Идентичность как «состязательный концепт» в проблемном поле политологии // Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семененко; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. – Москва: Весь Мир, 2017. – С. 70–76.

- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 2017. – 309 с.
- Ясин Е.А.* Фантомные боли ушедшей империи // После империи / под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – С. 5–49.
- Anderson B.* Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism. – London; N.Y.: Verso, 1991. – 224 p.
- Aronwitz S.* *The politics of identity: class, culture and social movements.* – London: Routledge, 1992. – 297 p.
- Caputi M.* National identity in contemporary theory // Political Psychology. – 1996. – Vol. 17, N 4. – P. 683–694. – DOI: <https://doi.org/10.2307/3792133>
- D’Cruz C.* Identity politics in deconstruction. Calculation with the incalculable. – Aldershot: Ashgate Publishing, 2008. – 127 p.
- Hayday M.* Fireworks, folk-dancing, and fostering a national identity: The politics of Canada day // The Canadian historical review. – 2010. – Vol. 91, N 2. – P. 287–314. – DOI: <http://www.doi.org/10.3138/chr.91.2.287>
- Hayes B., McAllister I.* Conflict to peace: politics and society in Northern Ireland over half a century. – Manchester: Manchester university press, 2013. – 280 p.
- Keating M.* European integration and the nationalities question // Politics & Society. – 2004. – Vol. 32, N 3. – P. 367–388. – DOI: <http://www.doi.org/10.1177/0032329204267295>
- Kenny M.* Politics of identity: liberal political theory and the dilemmas of difference. – Cambridge: Polity press, 2004. – 212 p.
- Kymlicka W.* The rise and fall of multiculturalism? New debates on inclusion and accommodation in diverse societies // International social science journal. – 2010. – N 61. – P. 97–112. – DOI: <http://www.doi.org/10.1111/j.1468-2451.2010.01750.x>
- Kymlicka W., Opalski M.* Can liberal pluralism be exported? Western political theory and ethnic relations in Eastern Europe. – Oxford: Oxford university. press, 2002. – 439 p.
- Leith M.S., Soule D.* Political discourse and national identity in Scotland. – Edinburgh: Edinburgh university press, 2011. – 192 p.
- Manicom J.* Identity politics and the Russia-Canada continental shelf dispute: An impediment to cooperation? // Geopolitics. – 2013. – Vol. 18. – P. 60–76. – DOI: <http://www.doi.org/10.1080/14650045.2012.685790>
- Masella P.* National identity and ethnic diversity // Journal of population economics. – 2013. – Vol. 26, N 2. – P. 437–454. – DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s00148-011-0398-0>
- Murphy M.* Multiculturalism: a critical introduction. – London: Routledge, 2012. – 196 p.
- Pelletier R., Couture J.* Identity and political trust in multinational democracies: the cases of Québec and Catalonia // Trust, distrust, and mistrust in multinational democracies: comparative perspectives / D. Karmis, F. Rocher (eds). – Montreal; Kingston; London; Chicago: McGill-queen's university press, 2018. – P. 300–330.
- Podoler G.* Who was Park Chung-hee? The memorial landscape and National Identity Politics in South Korea // East Asia. – 2016. – Vol. 33. – P. 271–288. – DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s12140-016-9261-y>
- Smith A.* National identity and idea of European unity // International Affairs. – 1992. – Vol. 68, N 1. – P. 55–76. – DOI: <http://www.doi.org/10.2307/2620461>

- Sollors W.* Challenges of diversity: essays on America. – London: Rutgers university press, 2017. – 214 p.
- Spinner-Halev J., Theiss-Morse E.* National identity and self-esteem // *Perspectives on Politics*. – 2003. – Vol. 1, N 3. – P. 515–532. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592703000379>
- Steiger P.* Slovakia as a good idea: the politics of nation branding and the making of competitive identities // *Neuer Nationalismus im östlichen Europa: Kulturwissenschaftliche Perspektiven* / ed. by I. Götz et al. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2017. – P. 205–226.
- Zhurzhenko T.* A divided nation? Reconsidering the role of identity politics in the Ukraine crisis // *Die Friedens-Warte*. – 2014. – Vol. 89, N 1/2. – P. 249–267.

M. Yu. Martynov, V.S. Purtova*

**Identity politics as the basis for interethnic accord in a multiethnic region
(on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)¹**

Abstract. The article attempts to identify the correlation between the state of interethnic accord in the region and the conceptual foundations of the identity policy on the example of such a multinational region of the Russian Federation with increased migration attractiveness as Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra. Bringing out the two main types of identities – ethnopolitical and macropolitical – the authors draw attention to the fact that in the justification of each type stand the interests of groups in real policy and the scientific tradition as well. Appealing to this or that concept is defined both by the conservatism of these traditions and by political circumstances. The definition of interethnic harmony is proposed in the article.

The empirical basis of the research are the results of sociological surveys conducted under the leadership of the authors in 2018–2019, secondary analysis of the results of sociological research conducted in 2014–2015 in the region, as well as data from official statistics. The method of cluster analysis of data obtained from the sociological survey on the territories of municipal entities of the autonomous okrug was applied.

The results of the sociological surveys make it possible to establish a correlation between the respondents' assessment of the state of interethnic relations and the activities of political actors in the sphere of identity policy. The cross-temporal comparison of identity policy conducted in the region in the 2010 s, showed that, the policy based on national-state (macropolitical) identity to ensure interethnic accord was more effective.

* **Martynov Mikhail**, Surgut state university (Surgut, Russia), e-mail: martynov.mu@gmail.com; **Purtova Viktoriya**, Surgut state university (Surgut, Russia), e-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru.

¹The article is a part of the research budgeted by the Department of Education and Youth Policy of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug.

The Russian regions are multiethnic in composition. Therefore, the study of the conceptual foundations of the formation of interethnic accord by means of identity policy on the example of such a multiethnic region with high migration attractiveness, as Ugra, is relevant.

Keywords: identity politics; interethnic accord; political identity; interethnic relations; interethnic conflict.

For citation: Martynov M. Yu., Purtova V.S. Identity politics as the basis for interethnic accord in a multiethnic region (on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 178–199. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.09>

References

- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism*. London; N.Y.: Verso, 1991, 224 p.
- Aronwitz S. *The politics of identity: class, culture and social movements*. London: Routledge, 1992, 297 p.
- Caputi M. National identity in contemporary theory. *Political Psychology*. 1996, Vol. 17, N 4, P. 683–694. DOI: <https://doi.org/10.2307/3792133>
- D'Cruz C. *Identity politics in deconstruction. Calculation with the incalculable*. Aldershot: Ashgate Publishing, 2008, 127 p.
- Dmitriev A.V., Voronov V.V., Mikhaylova E.A. Predictive modelling of inter-ethnic relations in Russian regions based on the analysis of identity strategies of Diaspora and ethnic communities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017, N 6, P. 97–124. DOI: <http://www.doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.06> (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Kosharnaya G.B. Actual identity and interethnic relations in Volga region. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2016, N 4 (40), P. 106–112. – DOI: <http://www.doi.org/10.21685/2072-3016-2016-4-12> (In Russ.)
- Drobizheva L.M. Russian identity: discussions in the political space and dynamics of mass consciousness. *Polis. Political Studies*. 2018, N 5, P. 100–115. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09> (In Russ.)
- Durkheim E. *Sociology. It's subject, method, purpose*. Moscow: Kanon, 1995, 352 p. (In Russ.)
- Fadeeva L.A. Identity as a “contentious concept” in political science. In: Semenenko I.S. (ed.) *Identity: the individual, society, and politics. Encyclopedia*. Moscow: “Ves’ mir” Publ., 2017, P. 70–76. (In Russ.)
- Gofman A.B. Conceptual approaches to analysis of social unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015, N 11, P. 29–36. (In Russ.)
- Hayday M. Fireworks, folk-dancing, and fostering a national identity: The politics of Canada day. *The Canadian historical review*. 2010, Vol. 91, N 2, P. 287–314. DOI: <http://dx.doi.org/10.3138/chr.91.2.287>
- Hayes B., McAllister I. *Conflict to peace: politics and society in Northern Ireland over half a century*. Manchester: Manchester University Press, 2013, 280 p.

- Hobsbawm E. *Nations and nationalism since 1780*. Saint Petersburg: Aleteia, 2017, 309 p. (In Russ.)
- Keating M. European integration and the nationalities question. *Politics & Society*. 2004, Vol. 32, N 3, P. 367–388. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/0032329204267295>
- Kenny M. *Politics of identity: liberal political theory and the dilemmas of difference*. Cambridge: Polity press, 2004, 212 p.
- Kymlicka W. The rise and fall of multiculturalism? New debates on inclusion and accommodation in diverse societies. *International social science journal*. 2010, N 61, P. 97–112. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/j.1468-2451.2010.01750.x>
- Kymlicka W., Opalski M. *Can liberal pluralism be exported? Western political theory and ethnic relations in Eastern Europe*. Oxford: Oxford university press, 2002, 439 p.
- Leith M.S., Soule D. *Political discourse and national identity in Scotland*. Edinburgh: Edinburgh university press, 2011, 192 p.
- Malinova O. Yu. Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in Post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Manicom J. *Identity politics and the Russia-Canada continental shelf dispute: An impediment to cooperation? Geopolitics*. 2013, Vol. 18, P. 60–76. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/14650045.2012.685790>
- Masella P. National identity and ethnic diversity. *Journal of population economics*. 2013, Vol. 26, N. 2, P. 437–454. DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s00148-011-0398-0>
- Murphy M. *Multiculturalism: a critical introduction*. London: Routledge, 2012, 196 p.
- Pain E.A. On courses of cyclical failures of modernization process in Russia. *Social sciences and contemporary world*. 2008, N 4, P. 5–20. (In Russ.)
- Pelletier R., Couture J. Identity and political trust in multinational democracies: the cases of Québec and Catalonia. In: *Trust, distrust, and mistrust in multinational democracies: comparative perspectives*. Karmis D., Rocher F. (eds). Montreal; Kingston; London; Chicago: McGill-Queen's university press, 2018, P. 300–330.
- Peregudov S.P. National-state identity and the problems of the Russian state's consolidation. *Polis. Political Studies*. 2011, N 3, P. 141–163. (In Russ.)
- Podoler G. *Who was Park Chung-hee? The memorial landscape and National Identity Politics in South Korea*. *East Asia*. 2016, Vol. 33, P. 271–288. DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s12140-016-9261-y>
- Semenenko I.S. Identity politics: A changing agenda. In: *Symbolic politics. Issue 5: Identity politics*. Moscow: INION RAS, 2017, P. 21–41. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Political identity. In: Semenenko I.S. (ed). *Political identity and identity politics. In 2 vol.* Moscow: Rossiiskaia Politicheskaia Entsiklopediia (ROSSPEN), 2011, Vol. 1.: Identity as a category of political science: dictionary of terms and concepts, P. 71–76. (In Russ.)
- Smith A. National identity and idea of European unity. *International Affairs*. 1992, Vol. 68, N 1, P. 55–76. DOI: <http://www.doi.org/10.2307/2620461>
- Sollors W. *Challenges of diversity: essays on America*. London: Rutgers university press, 2017, 214 p.

- Spinner-Halev J., Theiss-Morse E. National identity and self-esteem. *Perspectives on Politics*. 2003, Vol. 1, N. 3, P. 515–532. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592703000379>
- Steiger P. Slovakia as a good idea: the politics of nation branding and the making of competitive identities. In: Götz I. et al. (eds). *Neuer Nationalismus Im Östlichen Europa: Kulturwissenschaftliche Perspektiven*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2017, P. 205–226.
- Tishkov V.A. What are Russia and the Russian people? *Pro et Contra*. 2007, Vol. 11, N 3, P. 21–41. (In Russ.)
- Titov V.V. *Politics of memory and forming of national and state identity in Russia: Russian experience and new tendencies*. Moscow: Tipografia “Vash Format”, 2017, 184 p. (In Russ.)
- Yasin E.A. Phantom pains of the bygone empire. In: Klyamkin A.M. (ed). *After the empire*. Moscow: Fond “Liberal’naia Missiia”, 2007, P. 5–49. (In Russ.)
- Zhurzhenko T. A divided nation? Reconsidering the role of identity politics in the Ukraine crisis. *Die Friedens-Warte*. 2014, Vol. 89, N 1/2, P. 249–267.